Муравей муравей. Мифологическое значение М. (муравьев) во многом объясняется их биологическими особенностями малостью, делающей М. как бы минимальной счётной единицей («квантом»), множественностью, подвижностью, коллективностью, которая проявляется в формах их совместного существования и деятельности, приспособляемостью к среде обитания и т. п.

В мифопоэтических и культурно-исторических традициях с М. связываются различные символические значения. В Китае М. символизируют справедливость, праведность (иногда добродетель, патриотизм и эгоизм); белый М. в буддизме символ кротости, самоограничения (в некоторых других традициях образ разрушения).

В предсказаниях роль М. двояка: они указывают и благой (у эстонцев), и плохой (у болгар, швейцарцев) исход. Разрушение муравейника во многих традициях символизирует несчастье.

В иудаистической и соответствующей мусульманской легендах зафиксирован мотив М., учивших царя Соломона мудрости и смирению; в мусульманской традиции М. одно из десяти небесных животных. В Индии чёрные М. почитаются как священные насекомые.

Полезными считаются М. у индейцев зуньи: М. уничтожают следы человека и сбивают с толку преследователя (отсюда особая ритуальная функция так называемого «муравьиного общества» в танцах зуньи). Лечебные свойства М. отмечены во многих традициях.

Напротив, согласно представлениям индейцев пуэбло, за разорение муравейника или обливание его мочой М. насылают болезни, которые могут быть вылечены только специальным муравьиным врачом или муравьиным обществом. Аранта считают, что укус М. особого вида убивает медицинские способности лекаря.

Наличие у М. ряда свойств, напоминающих человеческие (в частности, таких, которые приписываются идеальному человеку), позволяет объяснить представления о М. как превращённых людях или, наоборот, о том, что люди некогда были М. Такое поверье

отмечено у индейцев хопи; апачи называют индейцев навахо муравьиным народом; в некоторых индейских традициях считается, что женщины, вступившие в связь с белыми людьми, превращаются в красных М., и т. п. Нередко подобные превращения связываются с громовержцем. Так, мирмидоняне (т. е. «муравьиные люди», от греч. μύρμης, «муравей»), колонизовавшие остров Эгина, ведут своё начало от Мирмидона, сына громовержца Зевса и Эвримедузы, к которой Зевс явился в виде М. По другой версии, Зевс по просьбе царя Эгины Эака превращает М. в людей, после того как всё население острова погибло от чумы.

Под водительством Ахилла мирмидоняне упорно и ревностно сражаются под Троей. В «Ригведе» (I 51, 9) есть упоминание об одном из превращений громовержца Индры, который «в образе М. пробил насыпи стремящегося к небу, уже возросшего, но (всё ещё) растущего».

Превратившись в М., Индра незаметно вползает на насыпь вражеской крепости. Благодаря хитрости (предельное уменьшение в размерах, тогда как противник стремится увеличить свои размеры) Индра одерживает победу (в германском фольклоре известен сюжет о М., проносящем в темницу шёлковые нитки, из которых плетётся верёвка, с тем чтобы узник мог выбраться на волю).

Вольга русских былин, обладающий даром оборотничества, превращается то в сокола, то в М., проникающего через подворотню из рыбьего зуба (трансформированное противопоставление неба и подземного царства, нижнего мира); сходный мотив (превращение в сокола и в М.) связан в русской сказке «Хрустальная гора» с Иваном-царевичем: обернувшись М., Иван-царевич проникает через маленькую трещину в хрустальную гору и освобождает царевну. Дар превращений герой сказки получает за справедливый делёж павшей лошади, при котором её голову он дал М. Мотивы связи земли (или подземного царства) с небом нередко актуализируются в частных мифологемах, иногда достаточно сильно трансформированных [ср., например, миф индейцев карири (чако) о красных М., подточивших дерево, по которому первые люди влезли на небо, или шанский (Индокитай) космогонический миф о создании земли белым М., принёсшим её из первородной бездны], а также в более общем представлении об особом «муравьином» пути, который либо идёт с земли на небо, либо находится на земле (мотив, связываемый и с темой превращения людей в М.) или на небе (иногда он ассоциируется с Млечным путём).

Посредническая функция М. объясняет и их роль как посланцев бога-змеи в ряде западноафриканских традиций или мотив связи М. с миром мёртвых (так, туземцы Новой

Гвинеи верят, что после первой смерти может наступить и вторая смерть, когда душа превращается в М.; у индуистов и джайнов известен обычай кормления М. в дни, связанные с поминовением души, и т. п.). Связь М. с землёй или даже с нижним миром и одновременно с процветанием и богатством, иногда с основным (или даже единственным) культурным растением данного ареала, дающим и пищу, и опьяняющий напиток, отражена во многих традициях в самых разных формах.

Ацтеки считали, что чёрные и красные М. показали Кецалькоатлю место, где растёт маис. В евразийском ареале широко распространён фольклорный мотив 249 (по Аарне) о М. и кузнечике (сверчке, стрекозе), где речь идёт о своевременной заготовке запасов; этот мотив, получивший обработку в известной басне Эзопа (ср. также в библейской традиции: «Муравьи народ не сильный, но летом заготовляют пищу свою»; Притч. 30, 25), зафиксирован и в некоторых индейских традициях Северной Америки.

В полесских ритуалах вызывания дождя (которые имеют параллели и в южнославянской традиции) дети разрушают муравейник палкой (кием), имитируя болтание палкой в колодце (при этом М. соотносятся с брызгами воды по принципу: «сколько муравьев, столько и капель»). Муравейник разгребают и для того, чтобы М. принесли хорошую погоду (солнце).С особой ролью М. в мифопоэтической теме неба и земли, жизни и смерти соотносится в конечном счёте и его спасительная, в частности целительная, функция (ср. широкое использование М. в народной медицине).

Особые мифологические представления связываются и с муравейником. У ряда финно-угорских народов известен обряд жертвоприношения лесным духам, совершаемый на муравейниках.

В Западной Африке (в частности, у племени сусу) муравейники иногда рассматриваются как жилище демонов. Аборигены в Майсуре (Индия) считают муравейники местопребыванием кобры или змей-нага. Муравейник нередко трактуется как символ плодородия.

В этой связи заслуживает внимания мотив «М. и куча зерна», известный в разных версиях: например, в басне Леонардо да Винчи, сюжет которой восходит к фольклорной традиции, зёрнышко проса просит у М. снисхождения и обещает вернуться к нему сторицей; довольно широко распространён вариант муравьиной помощи человеку, когда М. по зёрнышку переносят всю кучу, выбирают все зёрна из скирды, пересчитывают все

зёрна и т. п.; ср. русскую сказку «Василиса Прекрасная» (Афанасьев, № 222) или новогреческую сказку о царском крестнике, в которой действует и Царь-М., помогающий крестнику. Иногда идея плодородия в связи с М. и муравейником воплощается не в количественных формах (счётное множество, мотивирующее тождество типа «сколько М., столько и зёрен»), а в виде указания источников плодородия.

У племени коркус в Центральной Индии известны мифы, в которых Махадео (Шива) создаёт из красной почвы муравейника первую человеческую пару мужчину и женщину. У другого центральноиндийского племени дхангаров существует представление, что из муравейника произошли первые овца и баран; чтобы устранить ущерб, наносимый этой парой посевам, Шива создал дхангаров.

Литература :
Толстые Н. И. и С. М., Заметки по славянскому язычеству, в сб.: Славянский и балканский фольклор, М., 1978, с. 124 25;
Funk and Wagnalls standard dictionary of folklore, mythology and legend, N. Y., 1972, p. 63 66;
Jobes G., Dictionary of mythology, folklore and symbols, pt 1, N. Y., 1962, p. 101.